

≈ 16 мин

Книги должны быть выдержаны, как и хорошее вино. Книги нужно читать не раньше, чем лет через двадцать-тридцать после издания. Когда стихнет рекламная кампания, схлынет общественно-политическая конъюнктура, тогда и стоит сдуть пыль с обложки, как сдувают её с найденной в винном погребе бутылки, и приняться: ну-ка, что у нас здесь? Сладкий плод томного тосканского лета и трудолюбивых рук, лишь выигравший от долгой выдержки, или дешёвая кислятина, давно разложившаяся на спирт и воду? Литература – или скороспелые попытки успеть за изменчивой модой?

Поверьте, ни Вергилий, ни вы ничего не теряете от того, что вы прочли «Буколики» и «Энеиду» спустя две тысячи лет, а не сразу после написания. Настоящие книги и настоящие вина не боятся такой проверки – даже если автор лез в современную ему политику и имел, подобно Кипплингу, убеждения, уже тогда люто претившие коллегам и современникам. Шекспира читают и сейчас, хотя у себя на родине он был забыт на долгие сто лет, а его театр «Глобус» демонстративно сожгли революционеры Кромвеля – уж слишком резко и быстро изменилась она общественно-политическая конъюнктура. Но за четыреста лет неприкрытая тюдоровская пропаганда выветрилась настолько, что современный читатель и не улавливает её запаха, листая «Ричарда III» или «Генриха V».

ПРОБЛЕМА «ДЕШЕВОЙ КИСЛЯТИНЫ», СТАЛО БЫТЬ, ОТНЮДЬ НЕ В ТОМ, ЧТО ПИСАТЕЛЬ ИМЕЕТ И ОТРАЖАЕТ В СВОИХ КНИГАХ НЕКИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ, ПУСТЬ ДАЖЕ И НЕПРАВИЛЬНЫЕ С ЧЬЕЙ-ТО ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Но это – притча.

Сатирическая повесть-фантазмагория «Неформашки» была впервые опубликована в журнале «Юность» в 1988 году, в первых номерах – стало быть, написана была еще ранее, году в 1987, на самой заре перестройки. Это извиняет произведению некоторую наивность и во многом объясняет оглядки на «верность идеалам», об которые уже в 90-91 творческая тусовка дружно вытирала ноги.

Начнём с достоинств. В книге поднята актуальнейшая проблематика своего времени, когда государство и общество решало «куда идти?», а местами она остается актуальной и по сей день. Здесь вам и имитационная демократия с играми в выборы, и проблема совести творческого человека в тоталитарном государстве, и многое другое.

Финал остаётся непредсказуемым, вопрос «что будет дальше» не отпускает до самого конца – а ведь читателя 21 века, избалованного прочитанным ворохом книг, в этом отношении удивить трудно. Кое-кто из персонажей тоже раскрывается с неожиданной стороны, когда выясняется, что «совы – не то, чем кажутся».

Словом, перед нами – не плоская карикатура обозлённого на окружающую действительность автора, а полноценное и вполне себе достойное

произведение. Автор, известный советскому читателю по добротной научно-фантастической трилогии «Всадники Ниоткуда – Рай без памяти – Серебряный Вариант», читателя не подвёл. И если бы время остановилось в том 1988 году, предъявлять какие-то претензии к «Неформашкам» было бы неуместно. Но оно, поди же ты, пошло дальше.

ПОПЫТКА КЛАССОВОГО АНАЛИЗА

Произведения той эпохи интересны именно тем, что это снимок государства и общества в момент сползания к катастрофе. Это история болезни, которую мы листаем уже после вскрытия тела. В этом отношении литература тех лет – более, чем литература: её, даже фантастическую, даже ангажированную в ту либо другую сторону, смело можно считать историческим источником. Уточню: если бы не пафосное авторское «Красные – это мы», брошенное главным героем в полемике с антагонистом-номенклатурщиком и подчёркнуто повторённое в последней строчке произведения, мне не пришло бы в голову лезть к «Неформашкам» с шершавым классовым штангенциркулем.

Повесть начинается с того, что главный герой, отправившийся в отпуск на солнечный юг журналист столичной газеты, въезжает в город, которого нет на карте. Далее будут подробные спойлеры – ибо мало кто из читателей отправится разыскивать и читать этот текст.

Фоном и экспозицией служит фантазмагорически-карикатурная жизнь городка в перестройку, как её понимали и внедряли провинциальные чиновники. По улицам стройными колонами ходят панки и прочие неформалы из старательно переодетых пионеров-комсомольцев, артисты местного театра изображают

кавказцев-кооператоров, а на заводе проходят выборы из 97 кандидатов, в результате которых, разумеется, всё равно побеждает действующий директор.

СЮЖЕТ СТРОИТСЯ НА ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАЕЗЖЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА УМНОВА С «ОТЦОМ ГОРОДА» ВАСИЛЬ ДЕНИСЫЧЕМ. И ВОТ К ОБРАЗУ ГЛАВНОГО АНТАГОНИСТА УЖЕ ВОЗНИКАЕТ РЯД ВОПРОСОВ.

«Отец города» – образ, безусловно, отрицательный, хотя и «очень неглупый по своему человек», и может быть приятным в личном общении, когда ему это нужно. Он играет в имитационную демократию, очковтирательство, и довел показуху до уровня искусства, с привлечением заслуженных артистов из театральной труппы. Он ностальгирует по сильной руке и жалеет, что Сталина на них нет – предпочитая, как и многие ностальгирующие, не задумываться о том, что было бы за фальсификацию отчетности и прочие шалости при том же Сталине. Он носит серый костюм, чем автор подчеркивает его посредственность – все позитивные и прогрессивные персонажи повести одеваются в джинсы. Его образ страшен именно своей «собирательностью», тем, что таких чиновников множество и имя им – Легион.

Но из текста на нас смотрит скорее гротескный гоголевский городничий, а Абрамов настойчиво намекает, что перед нами этакая смесь Доктора Зло с районным Мефистофелем. И вот эта заявка повисает у него в пустоте. Возможно, просто в силу прошедших лет – тем, кому сегодня меньше сорока,

уже трудно понять негативные эмоции, которые в 1988 году вызывал без всяких дополнительных объяснений образ опостылевшего бюрократа. Но это уже не отнесёшь к признакам хорошей книги: не возникает же у нас, несмотря на разницу эпох и образа жизни, вопросов, почему Ричард III – подлец, или почему выходка Париса повлекла столь бурную реакцию Менелая.

А вот выбор главного героя во многом характеризует время написания произведения.

Не то, чтобы я имел какое-то предубеждение против журналистов. Московские журналисты, разумеется, регулярно отправлялись в отпуск на юг, и наверняка иные при этом куда-нибудь встревали. Проблема в другом.

Сергей Александрович Абрамов, сам потомственный московский интеллигент и потомственный писатель, в «Неформашках» ещё бросается романтичными словами «красные – это мы» и «на войне без комиссара плохо, если война – за идею». Но ему уже трудно вложить свои рассуждения в уста простой смертной доярки или какого прочего немытого пролетария. И да, это проблема, когда автор – сколь угодно талантливый и благонамеренный – берётся рассуждать о судьбах и нуждах народа, но не может взглянуть на этот народ и его нужды иначе, чем через амбразуру своей узкой и привилегированной касты. Это, впрочем, нельзя ставить в упрёк лично Абрамову – книга писалась в те годы, когда на интеллигенцию, кто помнит, действительно смотрели снизу вверх, возлагая на нее феерические надежды. Так что и главный герой, «специалист по нравственности» Умнов, и благие надежды на перестройку, и неспособность распознать в первых, вполне эффективных и благообразных, кооперативных

опытах рости сегодняшних баобабов дикого капитализма – всё это слепок тогдашнего общественного настроения и чаяний, из которых, как известно нам сейчас, «что выросло, то и выросло».

И за странными для сегодняшнего читателя пикировками Андрея Николаевича с Василием Денисовичем на тему «кто здесь главный (зачёркнуто) красный» – стоит нечто большее: тогдашние амбиции позднесоветской интеллигенции «перехватить руль» у теряющей власть партийной номенклатуры. На тот момент они казались не столь уж фантастическими: при всей своей любви к рассказам «как мы страдали от режима», именно класс творческой и научной интеллигенции в позднем Союзе был, после класса номенклатуры, наиболее привилегированным, наиболее представленным в различных советах и комитетах и приближенным к распределителям. Достаточно сказать, что правдолюбец Умнов едет в отпуск из Москвы на собственном автомобиле, каковые, по самым оптимистическим подсчётам, в Советском Союзе имели не более 15% жителей.

Стоит напомнить, что к восьмидесятым годам и номенклатура, и интеллигенция сформировались именно как наследственные классы, а не просто профессиональный «цех». В 30-50 годы был обычным академик-изобретатель, литературный классик, министр или партийный лидер из бедной крестьянской семьи, который начал получать образование в деревенской семилетке. Но к восьмидесятым у тех и других крепла тенденция передавать по наследству свой род занятий и связанные с ним преференции, жениться на людях «своего круга». Вместе с тем, было все меньше желания принимать в этот круг «выскочек» со стороны, вкупе с презрением к физическому труду и чётким

осознанием отличия «нас» от «них». Другими словами, в этой среде активно формировались классовые интересы, классовое сознание и классовые предрассудки.

ИЗЛИШНЕ ГОВОРИТЬ, ЧТО ТАКАЯ СИТУАЦИЯ ЗАКУПОРИЛА СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ, УСЛОЖНИЛА КОММУНИКАЦИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ «ВЕРХОВ» И «НИЗОВ», УВЕЛИЧИВАЯ НАПРЯЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ И КРИЗИС В ГОСУДАРСТВЕ.

В условиях перемен класс интеллигенции мог надеяться оттереть «вымирающих мамонтов», подобно тому, как класс буржуазии когда-то оттер от власти старую земельную аристократию. В реальности, как мы знаем, эти надежды быстро пресекли появившиеся на сцене крупный капитал и организованный криминал. Распределители и привилегии закончились, НИИ закрылись, Союз писателей обнищал, и «не вписавшаяся» в дивный свободный мир интеллигенция отправилась торговать пирожками на рынке. Но в 1988 году марксово учение о том, что политика является лишь надстройкой над экономикой, и кто контролирует производство материальных благ – тот и заказывает музыку в политике, науке и культуре – казалось творческим людям таким скучным и устаревшим.

Противостояние журналиста Умнова с Отцом города выражается в диалогах и

актах неподчинения. Диалоги – драматичные до трагизма, исполненные мучительного выбора, болезненно-честные, лишённые жалости и к себе, и к оппоненту, пафосно-звонящие, не в ущерб искренности и правдоподобию. Великолепные. Акты неподчинения – детские, наивные и беспомощные, вроде ухода с собрания или подслушивания у дверей кабинета по дороге в туалет. И в этом, опять-таки, вся советская интеллигенция тех лет.

Главный конфликт повести, как мне кажется, недораскрыт именно из-за отсутствия у «специалиста по нравственности» Умнова какой-либо позитивной программы в задекларированной им политической и социальной борьбе. Даже с оглядкой на ещё действующую тогда цензуру, которая вряд ли позволила бы прописать абрамовским героям другой метод борьбы, нежели избранное ими гандистское ненасилие – честно делать свою работу, не участвуя в «приписках» и показухе, и надеяться, что количество честных тружеников вскоре приведет к качественному скачку, а бюрократы-сталинисты вымрут как мамонты.

Филиппика главного героя на тему «вы нас угнетали, но мы всё равно продолжали мечтать о свободе», оставляет вопрос из известного анекдота: «а что вы еще умеете делать»? Чем герой может подтвердить свою претензию на лозунг «красные – это мы?» Чем конкретно коллективный Умнов будет лучше коллективного Василь Денисыча, если последнего таки удастся спихнуть, а сверху будут по-прежнему требовать красивых отчетов? С другой стороны, если бы автор сделал из своего «специалиста по нравственности» более решительного, деятельного и рационального персонажа – как знать, не потеряла ли бы повесть в правдоподобности и реалистичности. Ведь, повторим – Андрей Умнов слишком честно списан с тогдашней натуры.

В качестве ещё одного положительного героя в повести выступает местная «комсомольская богиня» Лариса, на первый взгляд – верная и послушная помощница Василия Денисовича. Красавица и очень любовно выписанный персонаж.

«А где же мне еще быть?» – отвечает она удивлённому Умнову, когда он встречается её среди условных подпольщиков. У неё, в отличие от Андрея Умнова, практическая программа действий есть.

«...побелим, покрасим, мебель завезем и встанем на кооперативную основу...

— Кто встанет?

— Как кто? Мы. Комсомол.

— Всесоюзный Ленинский? Весь сразу?

— Ну, не весь, конечно. Выделим лучших, проголосуем.

— А прибыль кому?

— Всем.

— И на что вы все ее тратить будете?

— На что тратить — это самое легкое, — засмеялась Лариса. — Сначала заработать надо...»

Лариса – интригующий и симпатичный образ. Другое дело – насколько он получился правдивым. Увы, сегодняшние олигархи, демократы и активные «декоммунизаторы» из вчерашних комсомольских секретарей дают неутешительный ответ на этот вопрос.

В финале – символическом, красивом и даже в чём-то иконописном – массовое тайное собрание «честных людей» призывает московского журналиста Умнова на царство (зачёркнуто) на комиссарство, а комсомольская богиня дарит ему поцелуй. Первый и последний, ибо города, как вы помните, нет на карте. В этой подкупающей своей наивностью сцене – не только сокровенные мечты советской интеллигенции, но и её историческая обреченность. Именно так всегда теряли свой исторический шанс многие неплохие, но склонные переоценивать собственную популярность и незаменимость, люди – просто отсиживаясь и ожидая, когда же нам торжественно и красиво принесут власть. Кому же ещё, если мы – самые достойные?

Сегодня фантазмагория 1988 года читается не как сатира, а как реквием уже тогда умершей идее, над гробом которой бюрократ-очковтиратель, комсомолка-кооператор и интеллигентный страдалец от режима – член партии с 1972 года, грызутся за её наследство и ещё сохраняющийся в народе авторитет. Народу же в этой сцене предлагается честно и молча трудиться в надежде на то, что дальше будет лучше.

**ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,
ЧТО ЛЮТАЯ НЕНАВИСТЬ ВЧЕРАШНИХ
КОМССЕКРЕТАРЕЙ, А СЕГОДНЯШНИХ**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОЛИГАРХОВ, К
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕЕ – ЭТО ДАЖЕ НЕ
МИСТИЧЕСКИЙ СТРАХ ПРИ ВИДЕ
ВЫЛЕЗАЮЩЕГО ИЗ ГРОБА ОЧНУВШЕГОСЯ
МЕРТВЕЦА, А ВПОЛНЕ РАЦИОНАЛЬНЫЙ
СТРАХ ПРИ ВИДЕ ДАВНО ЗАПИСАННОГО В
МЕРТВЕЦЫ ХОЗЯИНА, НАСЛЕДСТВОМ
КОТОРОГО МЫ УЖЕ ТАК ХОРОШО УСПЕЛИ
РАСПОРЯДИТЬСЯ.

Тридцать лет спустя несколько по другому рассматриваешь пафосный и пустой лозунг «мы – солдаты партии!» Василь Денисыча, и слова «красные – это мы!» у его оппонента. Особенно, если прочитать новейшую биографию автора: ведь Абрамов, в 60-е годы писавший идеологически правильную фантастику о землянах, которые помогают устроить революцию жителям порабощенного диктатурой мира, и бичевавший в восьмидесятые бюрократов, стал в девяностых зампредом комитета по СМИ и телекоммуникациям правительства Москвы, а затем, ни много ни мало – заместителем начальника Главного управления внутренней политики Администрации президента РФ, а также секретарем различных президентских советов по науке, культуре, образованию и технологиям. Сейчас он является председателем наблюдательного совета и партнером инвестиционной компании Беринг Восток Кэпитал Партнерс. «И эти люди запрещали нам ковырять пальцем в носу...».

ВПРОЧЕМ, СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ – ПИСАТЕЛЬ, БЕЗУСЛОВНО, ТАЛАНТЛИВЫЙ. А КНИГИ ТАКИХ ЛЮДЕЙ ЗАЧАСТУЮ ИМЕЮТ СВОЙСТВО ГОВОРИТЬ НЕСКОЛЬКО БОЛЬШЕ, НЕЖЕЛИ В НИХ СОБИРАЛСЯ ВЛОЖИТЬ АВТОР.

Григорий Глоба

Источник

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.